

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ОТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ К ЭКСТРЕМИЗМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА СТАРШЕКЛАССНИКОВ МОСКВЫ И РИГИ)

Рост популярности экстремистских взглядов наблюдается в самых разнообразных сферах подростковой и молодежной субкультуры. Это обусловлено многими причинами. Среди основных можно отметить фактическое отсутствие социальных программ поддержки и занятости молодежи, усиливающееся расслоение общества на богатых и бедных, культурную маргинализацию и др. Отдельно следует выделить и социально-политические факторы: активность националистически ориентированных организаций, деятельность различных неформальных групп, трансляция экстремистских образцов поведения в СМИ. Подобная идеология зачастую успешно маскируется декларацией неконформистских установок и взглядов. Ценностно-нормативная неопределенность и в то же время политический максимализм способствуют формированию обостренного чувства несправедливости, которое в сочетании с процессами групповой идентификации и «социальным бесстрашием» создают благодатную почву для формирования экстремистских настроений среди молодежи [6–8; 10].

Особый интерес представляет анализ отношения к экстремизму в подростковом возрасте. Данный возраст — это один из наиболее значимых периодов с точки зрения социализации и становления личности, формирования ее ценностных ориентаций, морально-нравственных принципов и освоения различных форм социального поведения [1; 2]. Одной из важных особенностей подросткового возраста наряду с нигилизмом и максимализмом является стремление к автономности и независимости. В силу этого, различные протестные формы поведения воспринимаются как особые формы проявления взрослости, тем самым определяя значимость подобного поведения для формирующейся личности. Вместе с тем, участие в ситуациях выражения протеста (в определенных социальных и политических контекстах) способно оказать влияние

и на принятие девиантных форм поведения, трансформируя само отношение подростка к насилию. В этом случае насилие начинает восприниматься как оправданный, нормативно допустимый и эффективный способ выражения своих взглядов и требований. Это, в свою очередь, способствует тому, что девиантное поведение приобретает уже не разовый, а системный характер, становясь способом решения широкого спектра социальных конфликтов [6; 11; 12].

В первом приближении само отношение подростков к экстремизму может быть рассмотрено в трех разных контекстах.

Во-первых, отношение к экстремизму предполагает определенную степень информированности об экстремистских организациях, включая и возможный личный опыт взаимодействия с их членами. Поэтому, в качестве одного из важных аспектов исследования отношения школьника к экстремизму следует выделить распространенность в микросоциальном окружении подростка контактов с людьми, придерживающимися экстремистской идеологии.

Во-вторых, отношение школьников к экстремизму может проявляться на разных уровнях легитимизации насилия: 1) на уровне личностного принятия или отвержения экстремизма как специфической идеологии в решении социальных проблем; 2) на уровне социальных норм, когда экстремистские действия характеризуются по их допустимости в определенных ситуациях; 3) на уровне оценок существующей государственной политики в отношении экстремистских организаций. В этой связи заметим, что оценка школьниками политики властей и санкций в отношении экстремизма — это своеобразный индикатор отношения подростков и молодежи к проблеме легитимизации насилия в целом.

В-третьих, отношение к экстремизму как особой форме социального поведения характеризует становление ценностно-нормативной системы личности. Естественно, что

влияние экстремистской идеологии наиболее ярко проявляется в предпочитаемых способах разрешения конфликтных ситуаций и выражении своих протестных взглядов. В этой связи в рамках исследования отношения к экстремизму важно уделить особое внимание принятию подростком различных форм протестного поведения.

Исходя из изложенных выше общих представлений, нами была разработана программа социологического исследования, ориентированная на выявление значимых аспектов, характеризующих своеобразие проявлений экстремизма в подростковой среде. Программа учитывает анализ влияния ряда факторов: роль микросоциального окружения; влияние гендерных, возрастных и социально-стратификационных характеристик; принадлежность к национальному большинству или меньшинству. Последний аспект представляет особый интерес, поскольку экстремистские проявления часто основаны на межнациональных отношениях. В этой связи программой исследования предусмотрено проведение специального кросскультурного опроса учащихся Москвы и Риги. При этом учащихся русскоязычных школ в Риге можно рассматривать как особую подвыборку представителей национального меньшинства, что представляет особый интерес при сравнении их с учащимися латышских общеобразовательных школ. Заметим, что подобный статус национального меньшинства принципиально отличает русских подростков Риги от их русских сверстников в Москве, что, в свою очередь, крайне важно для понимания особенностей влияния социокультурного контекста как процесса социализации.

Само исследование проведено в 2010 году Институтом социологии образования РАО совместно с Рижской академией педагогики и управления образованием. В ходе исследования было опрошено 993 учащихся 9-х и 11-х классов московских общеобразовательных школ, 964 русскоязычных учащихся 9-х и 12-х классов школ Риги (в статье эта подвыборка обозначена как «русские») и 975 учащихся 9-х и 12-х классов общеобразовательных латышских школ (в статье эта подвыборка обозначена как «латыши»).

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МИКРОСОЦИАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ ПОДРОСТКА

Очевидно, что личный опыт общения, взаимодействия или прямого членства в экстремистских организациях во многом опреде-

ляет специфику отношения к экстремизму. Исходя из этого, респондентам предлагался вопрос: «Знакомы ли Вы с экстремистскими молодежными организациями?». Предложенные варианты ответов на данный вопрос позволяют выявить как непосредственное членство, так и распространенность контактов с людьми, придерживающимися экстремистской идеологии, в ближайшем окружении школьника. Распределение вариантов ответов на этот вопрос учащихся Москвы и Риги приведено в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, большинство (как среди московских, так и рижских подростков) отмечает, что они «не знакомы» лично с подобными организациями. При этом следует обратить внимание на то, что доля подобных ответов среди московских подростков существенно ниже, чем среди рижских (соответственно: 51,2% и 70,4%, $p = .0001$). Косвенно это может служить показателем активности самих экстремистских организаций на территории России, что выражается в стремлении максимально часто заявлять о себе (через СМИ, Интернет и т.п.) быть все время на виду, вести активную пропаганду (в т.ч. и незаконную) среди подростков и молодежи. Это подтверждается и тем, что среди москвичей существенно выше, чем у рижан, доля тех, кто указывает на наличие знакомых, состоящих в экстремистских организациях (соответственно: 17,7% и 7,0%, $p = .0001$), а также тех, кто информирован о существовании экстремистских организаций (соответственно: 24,3% и 17,0%, $p = .04$).

Таблица 1

Распределение ответов подростков Москвы и Риги относительно их знакомства с экстремистскими молодежными организациями (%)

	Москва	Рига	$p =$
Да, знаком, я сам состою в такой организации	2,7	3,1	–
Да, мои близкие друзья состоят в таких организациях	4,0	2,5	–
Да, у меня есть знакомые, состоящие в таких организациях	17,7	7,0	.0001
Да, я знаю об их существовании, но лично не сталкивался	24,3	17,0	.04
Нет, я не знаком с такими организациями	51,2	70,4	.0001

В рамках нашего анализа особый интерес представляет сопоставление ответов латышских и русских школьников, проживающих в Риге. Анализ полученных данных показывает, что среди русских респондентов, доля отметивших свою непосредственную включенность в деятельность экстремистских организаций оказывается заметно выше, чем среди латышей (соответственно: 4,2% и 2,1%, $p = .01$). Можно предположить, что более высокая доля участия русских подростков в деятельности экстремистских организаций связана с их особой позицией в Риге, где они, по сравнению с Москвой, представляют национальное меньшинство. Подобная картина косвенно отражает степень реакции меньшинства на межнациональное неравенство: при восприятии ситуации как неправомерной в культурном и политическом отношении, вступление в экстремистскую организацию представляется для определенной части национального меньшинства как эффективный способ защиты собственных интересов и взглядов.

ЧЛЕНСТВО В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И СКЛОННОСТЬ К КОЛЛЕКТИВНОМУ НАСИЛИЮ

Включенность подростка в деятельность экстремистских организаций отражается и на поведенческом уровне. В частности, членство в экстремистской организации влияет на характер поведения в ситуации коллективного школьного насилия. Это отчетливо подтверждают результаты настоящего исследования. Так, в ходе анкетирования, респондентам задавался вопрос, моделирующий ситуацию «школьной травли» (буллинга). Сам вопрос был сформулирован следующим образом: «Представьте, что в Вашем классе учится человек, который подвергается нападкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников. Какой будет Ваша реакция?».

Как показали результаты исследования, позиция агрессора («булли») более приемлема для тех респондентов, кто отметил свое непосредственное членство в деятельности молодежных экстремистских организаций. Именно в данной группе респондентов чаще указывалось, что в качестве наиболее приемлемой для себя реакции по отношению к человеку, подвергающемуся буллингу, будет выбрано издевательство над ним.

Так, на рисунке 1 видно, что эту позицию выбрали 18,2% среди тех респондентов в Риге, кто считает себя членом экстремист-

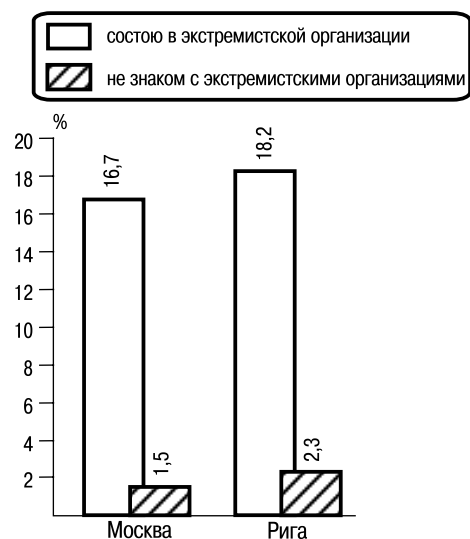

Рисунок 1

Влияние членства в экстремистской организации на выбор агрессивного поведения в ситуации буллинга среди подростков Москвы и Риги (%)

ских организаций (соответственно, среди москвичей – 16,7%). Для сравнения, среди подростков Риги и Москвы, ответивших, что они не знакомы с экстремистскими организациями, аналогичный вариант ответа, фиксирующий «издевательство» над жертвой, выбрали лишь 1,5% и 2,3%, соответственно. Таким образом, личная включенность подростка в деятельность экстремистских организаций связана не только с принятием идеологии, но и влияет на формирование поведенческих образцов, которые проявляются в ситуации взаимодействия с другими людьми. В то же время, можно предположить, что принятие позиции «булли» в ситуации школьной травли является, в свою очередь, и косвенным индикатором наличия у подростка позитивных установок к принятию экстремистской идеологии.

ОТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ К ЭКСТРЕМИСТСКИМ ДЕЙСТВИЯМ

Здесь можно выделить два аспекта. С одной стороны, это оценивание допустимости различных санкций в отношении экстремизма со стороны властей. речь идет о принятии социальных правил и норм, направленных на противодействие экстремизму. С другой стороны, следует выделять личностный аспект, который предполагает соотнесение экстре-

мистских действий с собственной ценностно-нормативной системой. В этой связи в ходе опроса школьникам задавался вопрос: «Оправдываете ли Вы экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализма и нарушение общественного порядка?».

В целом, школьники и в Москве и в Риге склонны негативно оценивать любые действия экстремистского характера, аргументируя свой ответ тем, что подобное поведение противоречит их личным принципам о способах разрешения конфликтов. Ссылаются же на общественные нормы («нет, т.к. это нарушение законов общества») учащиеся значительно реже.

На отношение к экстремистским действиям влияет характер микросоциального окружения подростка. Наглядной иллюстрацией подобного влияния являются результаты, полученные при сравнении ответов школьников, которые указали на свое непосредственное членство в экстремистской организации и тех, кто отметил, что «не знаком с экстремистскими организациями» (см. рисунок 2).

Как видно из рисунка 2, наиболее популярным ответом у московских и рижских ре-

спондентов, отметивших свое непосредственное членство в экстремистской организации, является оправдательный вариант проявления экстремистских действий («да, только такими способами сегодня можно отстаивать свою позицию»). Это может служить наглядной иллюстрацией процесса групповой идентификации, когда член группы (в данном случае — экстремистской) стремится разделять, поддерживать и защищать принятую в ней идеологию, систему принципов и правил поведения. В то же время свое негативное отношение к экстремистским действиям как на уровне фиксации нарушения общепринятых норм, так и на уровне личного непринятия наиболее часто демонстрируют именно те школьники, которые отметили, что не знакомы с экстремистскими организациями. Таким образом, чем выше степень социальной дистанции от экстремизма, тем чаще респонденты отмечают свое негативное отношение к экстремистским действиям [9].

В целом, несмотря на доминирование у московских и рижских подростков негативного отношения к экстремистским действиям, следует отметить наличие достаточно большого числа тех, кто в своей оценке занимает нейтральную позицию. Опасность

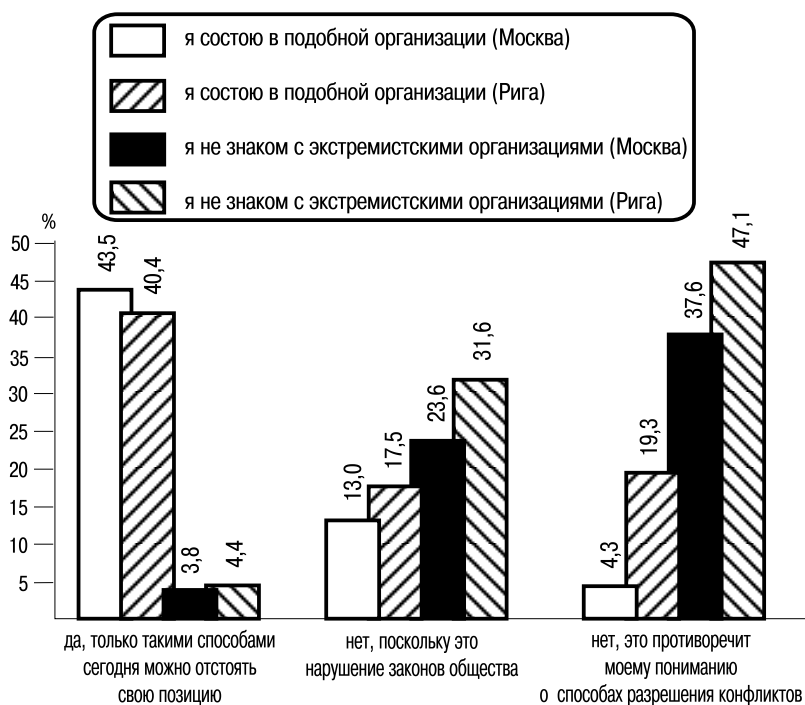

Рисунок 2

Влияние фактора микросоциального окружения на отношение к экстремизму среди подростков Москвы и Риги (%)

в данном случае заключается в том, что именно эта группа представляет собой потенциальных будущих сторонников экстремистских организаций, т.к. именно отсутствие четкой позиции делает их максимально незащищенными от влияния подобной идеологии. Особенно вероятным подобный риск становится в свете того, что информацию об экстремистских организациях подросток получает не только из СМИ, но и от собственного микросоциального окружения, поскольку в тех случаях, когда трансляторами экстремистской идеологии выступают близкие друзья и знакомые, информация воспринимается с наименьшей долей критики. Этому способствует давление микросоциального окружения, которое обуславливает проявление конформистских реакций относительно допустимости экстремистских действий. Напомним, что в Москве в подобной ситуации оказывается практически каждый пятый подросток (см. таблицу 1).

ОТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ К САНКЦИЯМ ПРОТИВ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА

Характерным индикатором отношения к экстремизму является мнение о необходимости применения санкций против него, основанное на оценке легитимности тех или иных экстремистских действий в соответствии

с принятыми законами и общественными нормами. В этой связи обратимся к мнениям подростков о том, какие именно действия, с их точки зрения, должны преследоваться по закону. При этом следует уточнить, что термин «экстремизм» на уровне обыденного сознания четко не определен. Поэтому мы предлагали респондентам ответить на вопрос, в котором данное понятие замещалось целым комплексом более доступных и, главное, менее расплывчатых определений, отношение к которым позволило выявить общую картину оценки поступков, объединенных понятием «экстремистские» (в соответствии с юридической квалификацией).

Как видно из рисунка 3, около трети московских и рижских респондентов (29,8% и 32,1% соответственно) считают, что по закону следует преследовать именно насильственные действия против определенной идеологии, расы и религии. Немного меньше число тех (27,4% в Москве и 29,6% в Риге), кто отмечает, что наказанию подлежат также и прямые призывы к насилию. Эти два варианта весьма популярны как среди московских, так и среди рижских школьников. В то же время следует отметить и заметные различия в ответах москвичей и рижан. Так, первые заметно реже указывают, что по закону должны преследоваться «оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти» (15,9% в Москве и 21,8% в Риге).

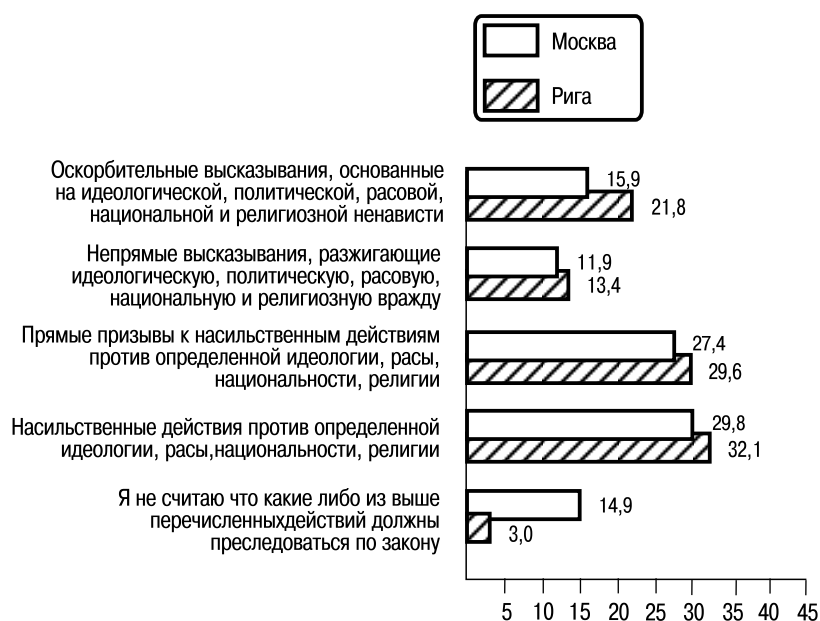

Рисунок 3

Мнение школьников Москвы и Риги относительно тех действий, которые необходимо преследовать по закону (%)

ской, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти» (15,9% и 21,8% соответственно, $p = .02$). Помимо этого, 14,9% опрошенных москвичей считают, что ни одно из перечисленных действий не должно преследоваться по закону (среди рижан таких всего 3,0%, $p = .0004$). Таким образом, москвичи оказываются более лояльны к проявлениям вербальной агрессии и экстремистским действиям. Заметим, что именно носители такого, в общем, нейтрального мнения и представляют собой тот слой молодежи, который вызывает наибольший интерес у идеологов и рекрутеров от экстремистских организаций, т.к. подобная пассивная позиция — благодатная почва для взращивания новых членов экстремистских групп.

Существенные различия в распределении ответов по данному вопросу были выявлены при сравнительном анализе ответов русских школьников, проживающих в Риге, и латышей (см. таблицу 2).

Как видно из таблицы 2, русские школьники в Риге занимают более радикальную позицию относительно необходимости законодательного преследования различных действий экстремистского толка. И вместе с тем, они чаще, чем латыши отмечают, что никакие, из перечисленных в вопросе вариантов насильственных действий, не должны подвергаться законодательным преследова-

ниям. В целом, сопоставление ответов русских и латышей фиксирует амбивалентный характер отношения к экстремистским действиям среди представителей национального меньшинства: они требуют законодательного преследования, когда экстремистские действия проявляются в отношении к собственной группе, и, параллельно, экстремистские действия легитимизируются, когда выступают как средство самозащиты [4].

Отношение к применению законодательных санкций против проявления различных экстремистских действий зависит и от наличия собственного опыта общения с экстремистскими организациями. Микросоциальное окружение и непосредственное членство в экстремистских организациях способно влиять на оценку, как самих экстремистских действий, так и системы наказания. В этой связи, отметим, что вариант ответа «я не считаю, что какие-либо из перечисленных действий должны преследоваться по закону» выбрали 37,5% московских респондентов, отметивших свое непосредственное членство в экстремистских организациях. Напомним, что в среднем по всей подвыборке этот вариант выбирался существенно реже (8,1%). Это отчетливо демонстрирует влияние собственной включенности в группу на отношение к применению санкций против нее. Идентифицируя себя с организацией, ее участники не просто принимают существующую в группе идеологию, но и активно ее отстаивают.

Добавим, что не только непосредственное участие в экстремистской организации оказывает влияние на мнение о допустимости экстремистских действий. Так, другим немаловажным фактором следует считать характер микросоциального окружения подростка, в частности наличие в нем членов экстремистской организации. Как показал анализ полученных результатов, вариант ответа «я не считаю, что какие-либо из перечисленных действий должны преследоваться по закону» выбрали в основном те московские подростки, кто отметил наличие членов экстремистской организации среди своих близких друзей (52,6%). Очевидно, что подобный высокий процент выбора этого варианта ответа связан с принятием и трансляцией внутри малой группы (близких друзей) экстремистской идеологии, которая способна трансформировать отношение подростка к подобной организации с отрицательного на сочувствующее, понимающее и даже абсолютно положительное. И напротив, чем больше социальная дистанция от экстре-

Таблица 2

Мнение русских и латышских подростков Риги относительно тех действий, которые должны преследоваться по закону (%)

	Русские	Латыши	$p =$
Оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти	49,8	46,5	.05
Непрямые высказывания, разжигающие идеологическую, политическую, расовую, национальную и религиозную вражду	36,6	22,6	.0006
Прямые призывы к насильственным действиям против определенной идеологии, расы, национальности, религии	69,5	61,1	.001
Я не считаю, что какие-либо из выше перечисленных действий должны преследоваться по закону	8,1	5,3	.0005

мистских организаций, тем выше активность проявления мнений о том, что любые формы экстремистских действий должны преследоваться по закону. Так, среди тех московских школьников, кто «не знаком с экстремистскими организациями», 63,0% уверены, что «любые насильственные действия против идеологии, расы, национальности и религии должны преследоваться по закону».

В целом полученные данные показывают, что большинство школьников демонстрируют негативное отношение к экстремистским действиям, оценивая их как противозаконные и наказуемые. В то же время такие факторы, как характер микросоциального окружения и принадлежность к национальному меньшинству или большинству, во многом определяют характер отношения подростка к экстремизму. В частности, в ситуации давления со стороны национального большинства и направленности властей именно на защиту интересов титульной нации национальное меньшинство в качестве наиболее эффективного способа отстаивания своих взглядов обращается к экстремистским действиям, оценивая их как при-

емлемые и необходимые способы защиты, оправдывая тем самым деятельность экстремистских организаций и вступая в конфликтные отношения не только с большинством, но и с легитимной властью.

ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Выбор тех или иных форм выражения политического протеста представляет собой индикатор уровня развития как самого общества, его институтов (исполнительной, законодательной, судебной власти, СМИ и др.), так и степень сформированности гражданской позиции. Можно не принимать экстремизм как форму политической активности и его идеологию, и, в то же время, использовать активные способы выражения своих взглядов в определенных социально-экономических и политических ситуациях [8]. В этой связи, в ходе опроса респондентам задавался вопрос относительно наиболее приемлемой для них формы выражения политического протеста. Распределение ответов приведено на рисунке 4.

Как видно из таблицы, большинство (24,8% – среди москвичей и 27,2% – у ри-

Рисунок 4

Предпочтение школьниками Москвы и Риги различных форм выражения политического протеста (%)

жан) считает наиболее приемлемой формой выражения политического протеста участие в митингах и забастовках. В этой связи, показательными являются различия, связанные с доверием старшеклассников к социальным институтам. Так, на «*обращение в суд*» указывают 9,7% в Москве и 13,1% в Риге; «*обращение к властям*» отмечают 5,6% в Москве и 7,1% в Риге; «*обращение в СМИ*» — 9,7% в Москве и 13,5% в Риге (все различия между москвичами и рижанами статистически значимы, $p \leq .05$).

Более низкие показатели по данным пунктам среди московских школьников косвенно демонстрируют и недоверие к власти, в разных формах, в том числе и к «четвертой власти», когда речь идет о СМИ. В то же время это и свидетельство социальной пассивности в выражении собственной гражданской позиции. Сравнение ответов москвичей и рижан показывает, что рижские школьники демонстрируют более высокую степень активности при взаимодействии с указанными гражданскими институтами. В целом это свидетельствует о более высоком уровне сформированности гражданской позиции у рижских школьников. В этой связи характерно, что ва-

риант ответа «*никогда не возникало желание протестовать*» у рижских школьников занимает лишь пятое, по своей популярности, место среди предложенных ответов (10,2% респондентов), в то время как у московских школьников данный вариант ответа стоит по своей распространенности на втором месте и его отмечает каждый пятый (19,9%, $p = .002$).

При сопоставлении ответов на данный вопрос мальчиков и девочек также были выявлены заметные различия относительно отдельных пунктов. В частности, среди московских школьников статистически значимые различия наблюдаются относительно таких ответов как: «*обращение в СМИ*» (у мальчиков 11,3% и 7,8% у девочек; $p = .001$) и «*обращение к властям*» (соответственно: 7,3% и 3,8%; $p = .05$). Иными словами, мальчики несколько чаще ориентируются на правовые формы выражения политического протеста.

Что касается возрастных изменений в плане предпочтения тех или иных форм выражения своего политического протеста, то здесь следует отметить, что у московских школьников с возрастом более актуальными становятся легитимные способы (см. рисунок 5). Так, если в 9-м классе вариант «об-

Рисунок 5

Предпочтения учащимися 9-х и 11-х классов московских школ различных форм выражения политического протеста (%)

ращение в суд» выбирают 8% респондентов, то в 11-м – это значение возрастает до 11,7% ($p = .0001$).

К 11-му классу политическая активность московских школьников в целом возрастает. Это демонстрируют различия среди учащихся 9-х и 11-х классов при выборе варианта ответа «никогда не возникало желание протестовать» – 22,4% среди девятиклассников против 17,5% у одиннадцатиклассников, соответственно ($p = .05$).

Следует отметить, что социально-стратификационные факторы не оказывают прямого влияния на ответы школьников о формах выражения политического протеста. В частности, сравнительный анализ результатов ответов на данный вопрос относительно таких факторов, как «национальная принадлежность» или «микросоциальное окружение» не выявил заметных различий. Вместе с тем, явные различия проявились относительно приемлемости такой формы протеста как «участие в митингах и забастовках». Так например, среди тех москвичей, кто отметил свое непосредственное членство в экстремистских организациях более половины 60% выбрали данный вариант ответа (здесь различия, по сравнению с другими подвыборками московских школьников, статистически значимы; $p \leq .05$).

Естественно, что участие в митингах не следует отождествлять с собственно экстремистскими способами выражения политического протеста, но тем не менее подобные формы поведения достаточно часто объясняются именно отсутствием легитимности. Исходя из этого, можно предположить, что участие в митингах – это в определенной степени проявление установки к принятию более радикальных форм социальной активности, в том числе и экстремистских действий. Как отмечают зарубежные исследователи экстремизма и терроризма, в частности, McCornick G.H., (2003), подобные трансформации весьма вероятны. По мнению ряда авторов, само наличие протестных настроений и опыт их выражения в форме различных нелегитимных массовых акций (митинги, шествия, забастовки), которые формально отличаются от экстремистского поведения, представляет собой основу для дальнейшего проявления, собственно, откровенно экстремистских форм разрешения конфликта [15].

В целом результаты ответов на данный вопрос показали, что школьники занимают достаточно активную социальную позицию, которая проявляется в готовности откры-

то, но не всегда легитимно выражать свой политический протест. При этом очевидно, что легитимные способы выражения протеста менее популярны. Подобная ситуация связана с рядом причин. Во-первых, в силу возрастных особенностей среди подростков и молодежи распространено критическое отношение к общепринятым нормам, и, как следствие, к институтам, которые являются трансляторами и исполнителями законов, регулирующих общественные отношения. Во-вторых, в силу максимализма и протестной позиции, обращение к легитимным формам выражения политического протеста (в суд, в СМИ, к властям) оценивается как неэффективное. При этом важно подчеркнуть склонность подростков к участию именно в массовых формах выражения политического протеста.

Опыт структурного анализа отношения подростка к экстремизму

Выше мы рассмотрели различные аспекты отношения школьников Москвы и Риги к экстремизму. Полученные данные показывают, что, помимо влияния демографических (пол, возраст) и социально-стратификационных факторов, существенное влияние на отношение подростков к экстремизму оказывают параметры, характеризующие особенности их социокультурной ситуации развития. Среди них в первую очередь выделяются следующие: своеобразие микросоциального окружения (включенность или дистанцированность от экстремистских организаций), отнесение себя к национальному большинству или меньшинству. Влияние этих двух параметров проявляется в отношении подростков к коллективному насилию, допустимости экстремистских действий как способов разрешения конфликтов, применимости санкций к различным видам агрессивного поведения и, наконец, в различных установках на выражение политического протеста.

В ходе анализа полученных материалов, мы рассмотрели их влияние независимо друг от друга. Вместе с тем можно предположить, что мы имеем дело со своеобразным комплексом, характеризующим склонность к принятию или, напротив, отвержению открытых форм проявления агрессии в зависимости от своеобразия социокультурной ситуации развития подростка.

Для проверки этого предположения нами был проведен факторный анализ полученных данных. С этой целью была сформирова-

на матрица, в которой столбцы определяли подвыборки респондентов в зависимости от степени их включенности/отстраненности от деятельности экстремистских организаций («состою в организации», «у меня есть знакомые, состоящие в таких организациях», «я не знаком с такими организациями») в трех опрашиваемых группах: московские школьники, подростки из русскоязычных школ Риги и подростки из латышских общеобразовательных школ. В строках матрицы же располагались соответственно варианты ответов на вопросы, иллюстрирующие особенности отношения к экстремизму, санкциям против него со стороны государства и формам выражения политического протеста. Ячейка матрицы, пересечение строки и столбца, фиксирует процент выбора соответствующего варианта ответа в соответствующей подвыборке респондентов. Сформированная матрица средних значений была подвергнута процедуре факторного анализа (метод Главных Компонент) с последующим вращением «Varimax» Кайзера.

В результате факторного анализа было выделено шесть факторов, описывающих 96,9% общей суммарной дисперсии.

Положительный полюс фактора **F1** (34,6%) объединил в себе следующие утверждения:

– «Я считаю, что по закону должны преследоваться насильственные действия против определенной идеологии, расы, национальности, религии» (0,96);

– «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, потому что сочувствую жертвам подобной агрессии» (0,95);

– «Я считаю, что по закону должны преследоваться прямые призывы к насильственным действиям против определенной идеологии, расы, национальности, религии» (0,87);

– «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, потому что это противоречит моему пониманию о способах разрешения конфликтов» (0,88);

– «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является обращение в СМИ» (0,82);

– «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесе-

ние телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку отношу себя к тем, в отношении к которым проявляются экстремистские действия» (0,81);

– «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является обращение в суд» (0,68);

– «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку это нарушение законов общества» (0,57).

В свою очередь, отрицательный полюс фактора объединил в себе следующие утверждения:

– «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду издеваться над ним» (–0,91);

– «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку только такими способами сегодня можно отстаивать свою позицию» (–0,83);

– «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку именно такими способами можно указать остальным их место» (–0,82);

– «Я не считаю, что насильственные действия против определенной идеологии, расы, национальности, религии должны преследоваться по закону» (–0,81).

Как показывают результаты, первый выделенный фактор, являясь биполярным, определяет противопоставление отрицательных и положительных установок по отношению к проявлению открытой агрессии. Положительный полюс фактора (**F1+**) включает в себя варианты ответов, фиксирующие непринятие респондентами агрессии как способа разрешения конфликтов. При этом следует уточнить, что в данном случае негативное отношение к открытому насилию включает в себя несколько оснований. Так, можно отметить, что установка на блокировку широкого спектра действий открытого проявления агрессии («насильственные действия против определенной идеологии, расы, национальности, религии», «прямые призы-

вы к насильственным действиям») связана и с личностным неприятием насилия («это противоречит моему пониманию о способах разрешения конфликтов») со стороны респондентов. При этом, помимо личностного неприятия открытой агрессии, негативное отношение к насилию основывается и на процессах идентификации с жертвой подобных действий («отношу себя к тем, в отношении к которым проявляются экстремистские действия», «сочувствую жертвам подобной агрессии»), что может быть связано и с наличием негативного опыта общения с представителями экстремистских организаций. Вместе с тем, негативная оценка экстремистских действий обусловлена не только вышеуказанными причинами, в основе которых лежит несоответствие насилия ценностно-нормативной сфере респондента. Другим основанием негативного отношения к экстремистским действиям является их несоответствие общественным нормам и их нелегитимный характер («это нарушение законов общества»), в противовес законным способам разрешения конфликтных ситуаций. Характерно, что респонденты, отмечая подобную негативную позицию в отношении экстремистских действий, в собственном поведении, связанном с выражением политического протеста, сориентированы на легитимные формы поведения («обращение в суд», «обращение в СМИ»). Таким образом, мы видим, что негативное отношение к экстремистским действиям формируется исходя из двух векторов оценивания. С одной стороны – это вектор личностного неприятия, с другой – оценка подобного поведения относительно его легитимности.

Отрицательный полюс первого фактора (F1-) характеризует установку на проявление открытой агрессии («буду издеваться над ним»). Следует отметить, что в данном случае, также можно выделить ряд оснований, формирующих положительное отношение к экстремистским действиям. Прежде всего – это оценка агрессивного поведения с позиции соответствия моральным нормам самого респондента, относительно которых любые насильственные действия и призывы к ним оцениваются как приемлемые, допустимые и легитимные («я не считаю, что какие-либо из перечисленных действий должны преследоваться по закону»). Другим основанием для положительного отношения к экстремистским действиям является оценка подобного поведения с точки зрения необходимости, вынужденности

его применения («только такими способами можно сегодня отстоять свою позицию», «только такими способами можно указать остальным их место»). В данном контексте агрессивное поведение школьниками оценивается с точки зрения инструментального, прагматичного компонента [5]. В основе подобной оценки лежит уже не только личностное принятие насилия, но и своеобразная защитная реакция. В целом, указанные выше основания демонстрируют собой процесс легитимизации насильственного поведения с точки зрения его необходимости как эффективного способа защиты. Подобный механизм легитимизации описывается специалистами, в частности Бандурой А., в области агрессии как «утилитарный способ самооправдания» [13, 14].

В целом, первый выделенный фактор характеризует собой позицию школьников относительно экстремизма, соотносимую как с их личными принципами и ценностями, так и с общественными нормами. В этой связи, его можно обозначить через оппозицию: «неприятие – принятие экстремистских проявлений».

Анализ особенностей размещения по оси данного фактора показывает, что все школьники, идентифицирующие себя как члены экстремистских групп, имеют высокие отрицательные значения по оси данного фактора (у москвичей (-1,5), у русских в Риге (-1,4), у латышей (-0,6)). Иными словами, для членов экстремистских групп характерна установка на проявление открытой агрессии, которая обосновывается, с одной стороны, легитимизацией различных форм открытого агрессивного поведения, а с другой – обосновывается как эффективный способ самозащиты. Это характерно как для москвичей, так и для рижан (как русских, так и латышей).

В то же время, анализ особенностей размещения различных групп на положительном полюсе данного фактора позволяет сделать вывод о принципиальных различиях в социальных ситуациях по отношению к экстремизму в Москве и Риге. Так, в Москве те подростки, кто не знаком с экстремистскими организациями, имеют нулевые значения по оси данного фактора (0,1), что фиксирует его нейтральное (безразличное) отношение к экстремизму. В то же время, в Риге явно выражены положительные значения (у русских (0,9), у латышей (1,2)), что характеризует социальную блокировку проявления разных видов агрессии и признание агрессивных действий как нелегитимных.

Иными словами, социальная позиция тех, кто не относит себя к членам экстремистских организаций среди рижан (как русских, так и латышей), ориентирована на явное неприятие экстремистских проявлений; москвичи же занимают пассивную позицию.

Второй биполярный фактор **F2** (14,4%) объединил на положительном полюсе следующие утверждения:

— «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку люди, к которым применяются подобные действия, заслуживают именно такого отношения к себе» (0,93);

— «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку такая форма поведения вызывает одобрение в кругу моих друзей» (0,82).

Как мы видим, данный полюс определяют два утверждения, которые оправдывают жесткие экстремистские действия. При чем, в основе одного из них лежит мотивация, связанная с дегуманизацией и наделением негативными атрибутами потенциального объекта агрессии («...люди, к которым применяются подобные действия, заслуживают именно такого отношения к себе»). Другое утверждение мотивирует проявления экстремизма одобрением ближайшего социального окружения («...вызывает одобрение в кругу моих друзей»). По сути дела, мы сталкиваемся здесь с проявлением «диффузии ответственности» и с проявлением конформистских установок к нормам группового поведения [13]. Таким образом, в целом, данный полюс фактора можно определить как самооправдание насилия.

Отрицательный полюс данного фактора (**F2-**) представлен лишь одним утверждением: «У меня никогда не возникало желание протестовать» (-0,85).

Поскольку это утверждение связано с вопросом о возможности проявления политического протеста, то данную позицию можно охарактеризовать как проявление пассивности к политической жизни (политическая «аномия»).

Таким образом, в целом данный фактор можно обозначить через оппозицию «оправдание насилия — политическая аномия».

Если обратиться к особенностям размещения ответов представителей различных подвыборок по оси данного фактора, то можно отметить четкую дифференциацию рижан на тех, кто причисляет себя к членам экстремистских организаций, а также фиксирует наличие знакомых, состоящих в подобных организациях (они расположились на положительном полюсе **F2+**), от тех респондентов, кто, напротив, подчеркивает свою отстраненность от экстремистских групп (они расположились на отрицательном полюсе **F2-**). Подчеркнем, что это характерно как для латышей, так и для русских, проживающих в Риге. Иными словами, члены экстремистских групп, ориентированы на оправдание насилия (0,49 – у русских в Риге и 0,30 – у латышей), а те, кто демонстрирует свою отстраненность от экстремистских групп склонны к принятию пассивной позиции в политических вопросах (-0,88 у русских в Риге и -0,65 у латышей).

Иная ситуация проявилась среди московских старшеклассников. Ее отличительной особенностью является то, что здесь не только респонденты, отстраненные от экстремистских организаций склонны к проявлению социальной пассивности и аномии (-1,41), но и те, кто причисляет себя к членам экстремистских организаций (-0,71). В этом отношении можно сделать вывод о своеобразной «деполитизации» и политической «аномии» тех московских подростков, кто относит себя к членам экстремистских организаций. Это демонстрирует особенность отношения к экстремизму не как к форме политического протеста, а как склонность к групповому асоциальному поведению.

Третий биполярный фактор **F3** (12,7%) имеет простую структуру. Его определяют ответы на один и тот же вопрос, касающийся позиции респондента относительно школьной «травли» (буллинга). При этом, положительный полюс **F3+** характеризуется утверждением: «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду сочувствовать, но ничего не сделаю в его поддержку» (0,75).

Отрицательный же полюс фактора определяет утверждение: «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду высмеивать его вместе с другими» (-0,93).

Таким образом, в целом, данный фактор можно задать через оппозицию: «Пассивное сочувствие жертве – активное участие в буллинге».

Заметим, что и положительный, и отрицательный полюса фактора F3 характеризуют собой особенности позиции школьника в актах группового агрессивного поведения. При этом, положительный полюс фактора (F3+), не смотря на выражение «сочувствия» к жертве, в то же время, характеризует пассивное принятие групповой агрессии: «...но ничего не сделаю в его поддержку». В этой связи, заметим, что согласно А. Бассу, разработавшему классификацию разнообразных форм агрессии, подобный тип поведения можно отнести к форме *пассивной* непрямой агрессии, которая выражается в особой реакции на агрессивные проявления (сочувствие жертве, но без вмешательства в ее защиту: я вижу агрессивные проявления, но не предпринимаю ничего в защиту жертвы) [3].

Отрицательный же полюс F3– фиксирует кардинально противоположенную, активную, позицию респондента в процессе буллинга, готовность к активному участию в открытых формах коллективной агрессии: «...буду высмеивать его вместе с другими».

Отметим, что наиболее ярко установки на открытые агрессивные формы поведения проявляются в позиции тех латышских (-1,14) и московских школьников (-0,61), кто причисляет себя к членам экстремистских групп. На наш взгляд, подобная готовность к открытому проявлению коллективной агрессии связана не только с групповым членством в экстремистских организациях, но и с социокультурными особенностями, – отнесением себя к представителям национального большинства.

Совершенно иная поведенческая установка проявляется у русских школьников в Риге, относящих себя к членам экстремистских групп. Они, напротив, имеют высокие положительные значения по фактору F3 (1,12). Следуя приведенной выше интерпретации полюса F3+, можно сделать вывод о том, что для них характерны пассивные формы проявления агрессии. Подобное распределение латышских и русских школьников в Риге, по осям выделенного фактора, дает основание предположить, что русские школьники (будучи представителями национального меньшинства) склонны, в большей степени, идентифицировать себя в качестве потенциальных жертв групповой агрессии. Это и проявляется в формировании пассив-

ной позиций в ситуации буллинга, что косвенно свидетельствует об их особом отношении к экстремизму как к способу группового защитного поведения; как ответу на возможную агрессию со стороны большинства.

Следующий биполярный фактор F4 (12,6%) характеризует социальную чувствительность к вербальным формам проявления агрессии. Его положительный полюс (F4+) определяет утверждение: «Я считаю, что по закону должны преследоваться оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти» (0,98). Отрицательный же полюс (F4–) характеризуют следующие утверждения:

– «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я не буду обращать на это внимания» (-0,75);

– «Мне безразличны какие-либо экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка» (-0,66).

В обобщенной форме его можно определить через оппозицию: «недопустимость вербальной агрессии – безразличие». Анализ особенностей размещения по оси данного фактора старшеклассников Москвы и Риги показывает, что в целом, среди рижан (как латышей, так и русских) явно выражены положительные значения. Это позволяет охарактеризовать общую социокультурную ситуацию в Риге как актуализацию требований к законодательному пресечению вербальных форм проявления агрессии. В то же время, подвыборки московских старшеклассников разместились с высокими значениями на отрицательном полюсе данного фактора (F4–). Таким образом, если среди рижан мы фиксируем общую установку на *табуирование* проявлений вербальной агрессии, то среди москвичей явно выражено *безразличие, самоустраненность*. Это позволяет сделать вывод о том, что современная социокультурная ситуация в Москве (шире – в России), к сожалению, сформировала у молодого поколения безразличие по отношению к вопросу о необходимости пресечения агрессии.

Пятый биполярный фактор F5 (11,9%) задает оппозицию: «открытое коллективное выражение политического протеста – конспиративность политического протеста».

Положительный полюс данного фактора определяет высказывание: «*Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является участие в митингах, забастовках*» (0,90).

Соответственно, отрицательный полюс фактора объединил в себе следующие утверждения:

— «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду стараться избегать общения с ним» (-0,82);

— «Я предпочитаю не выражать собственный политический протест, «ношу» протест в себе» (-0,75);

— «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является экстремистский путь» (-0,58).

Для интерпретации отрицательного полюса данного фактора имеет смысл обратиться к концепции McCormick (2003), который рассматривал различные стадии процесса принятия решения о террористическом поведении. Так, выделенная им подготовительная, латентная стадия содержит в себе два основных этапа: а) конспиративный поиск единомышленников; б) поиск способов выражения своей позиции [15]. В этом отношении утверждения «...я буду избегать общения» и «...ношу протест в себе» можно рассматривать как относящиеся к подготовительному этапу (этап «а»). Утверждения же, касающиеся приемлемости выражения политического протеста экстремистским путем можно отнести к этапу, характеризующему способы выражения своей позиции (этап «б»). Таким образом, отрицательный полюс фактора F5— можно рассматривать как фиксацию процесса принятия решения о реализации экстремистского поведения. В этом контексте положительный полюс фактора можно рассматривать как следующий этап развития экстремистского поведения, выражающийся в открытом столкновении с властными структурами. В этой связи, заметим, что сам переход к открытой фазе сопровождается смысловой переоценкой экстремистских форм поведения. Они начинают рассматриваться как приемлемые и легитимные формы выражения протеста. В целом, характеризуя данный фактор, мы можем сделать вывод о том, что он задает оппозицию между двумя фазами реализации протестного поведения: подготовительной и фазой реализации.

В этой связи, анализ особенностей размещения по осям данного фактора позволя-

ет поставить акцент на двух моментах. Один из них связан с сопоставлением тех московских и латышских школьников, кто относит себя к членам экстремистских организаций. Если у москвичей явно выражены положительные значения по оси данного фактора (1,6), то у латышей, напротив, отрицательные (-1,86). Таким образом, если москвичи готовы к реализации открытых форм выражения протестного поведения, то латышские школьники в Риге находятся на подготовительном этапе. Другой момент касается сопоставления московских старшекласников, относящих себя к членам экстремистских организаций, с теми, кто фиксирует свою отстраненность от экстремистских организаций. Если первые, как мы уже отметили выше, фиксируют свою явную готовность к открытому выражению протеста, то вторые находятся в латентной стадии: «носят протест в себе» (-0,72).

И наконец, последний шестой фактор **F6** (10,8%), является униполярным и характеризуется следующими утверждениями:

— «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является обсуждение с друзьями» (0,81);

— «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я постараюсь убедить одноклассников не унижать его» (0,79);

— «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является гражданское неповиновение» (0,63);

— «Я считаю, что по закону должны преследоваться не прямые высказывания, разжигающие идеологическую, политическую, расовую, национальную и религиозную вражду» (0,56).

На наш взгляд, данный фактор характеризует весьма своеобразный поведенческий комплекс. С одной стороны здесь выражена тенденция к защитной реакции на проявление агрессии («...убедить не унижать»), а также повышенная чувствительность к непрямым (косвенным) формам агрессии («...должны преследоваться не прямые высказывания»). Оба эти момента дают возможность предположить, что в их основе лежит обостренное чувство риска стать возможной жертвой агрессии (виктимность). С другой стороны, высказывания, связанные с выбором таких форм проявления протеста как «обсуждение с друзьями» и «гражданское неповиновение» можно оценивать как об-

щую тенденцию к социальной интеграции. В целом же, объединение в одном факторе виктимности и установок на социальную интеграцию позволяет обозначить содержание фактора F6 следующим образом: «виктимность, защитная реакция на внешнюю социальную угрозу».

Характерно, что высокие положительные значения по оси данного фактора получили лишь все рассмотренные нами подвыборки русских школьников, проживающих в Риге. В этой связи, можно сделать вывод о том, что данный фактор фиксирует весьма своеобразную реакцию представителей национального меньшинства на проявления экстремизма: обостренное чувство возможности стать жертвой насилия и, как следствие, актуализация защитного поведения путем социальной интеграции.

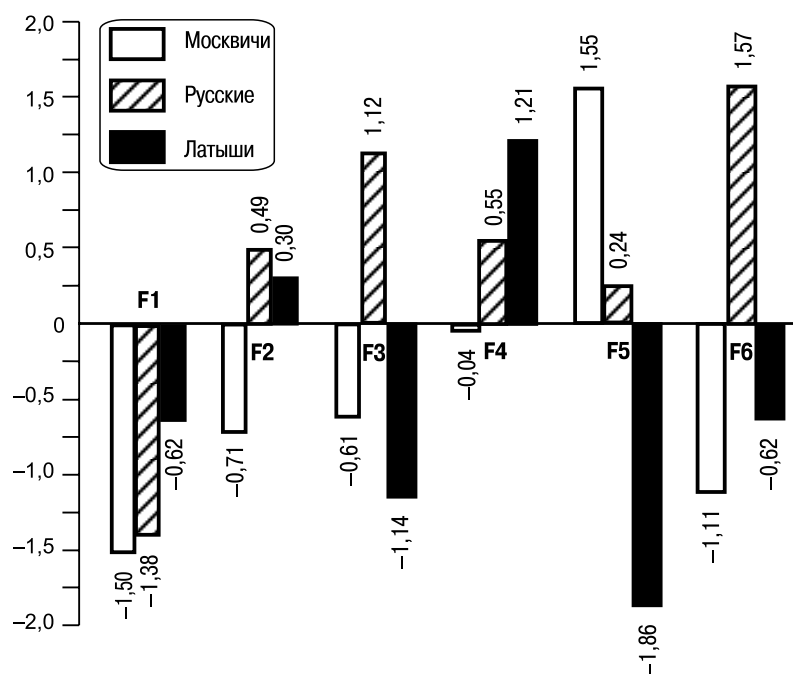
**ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЛЕНОВ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ГРУПП:
ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА**

Обобщая результаты проведенного нами факторного анализа, отметим, что он позволил выделить шесть факторов, определяющих особенности отношения подростков к разнообразным формам проявления насилия (экстремистские действия, буллинг, протестное

поведение). Перечислим эти факторы: F1 «непринятие – принятие экстремистских проявлений»; F2 «оправдание насилия – политическая «аномия»; F3 «пассивное сочувствие жертве – активное участие в буллинге»; F4 «недопустимость вербальной агрессии – безразличие»; F5 «открытое коллективное выражение политического протеста – конспиративность выражения политического протеста» и F6 «виктимность, реакция на внешнюю социальную угрозу». Заметим, что результаты факторного анализа позволяют нам сделать следующий шаг в интерпретации полученных данных, который состоит в выявлении особенностей отношения к насилию путем рассмотрения специфики распределения значений для выделенных нами подвыборок одновременно по всем шести факторам. При этом, особый интерес представляет сравнение профилей оценок по шести факторам среди тех старшеклассников Москвы и Риги, кто причисляет себя к членам экстремистских организаций (см. рисунок 6)

Как видно из рисунка 6, проявились как общие тенденции, так и заметные различия между подвыборками. Рассмотрим их более подробно.

Так, распределение значений по фактору F1 отчетливо иллюстрирует принятие экстре-

Рисунок 6

Средние профили значений по шести выделенным факторам среди тех подростков Москвы и Риги, кто причисляет себя к членам экстремистских организаций

мистских действий подростками, которые относят себя к экстремистским организациям, как в Москве, так и в Риге (и среди латышей, и среди русских). В то же время, проявились явные различия между учащимися Москвы и Риги по двум факторам: F2 и F4. Исходя из содержания фактора F2, мы можем сделать вывод о том, что если для москвичей, придерживающихся экстремистской идеологии, характерной чертой является политическая «аномия» (низкие значения по полюсу F2–), то для рижан важным аспектом являются дополнительные мотивировки, оправдывающие насилие (высокие значения по полюсу F2+). Помимо этого, поскольку среди рижан выражены высокие значения по фактору F4+, можно сделать вывод о том, что они более чувствительны к вербальным формам агрессии и склонны следовать существующим нормам их табуирования. Таким образом, социокультурная специфика, отличающая рижан от москвичей, состоит в том, что латвийские школьники, в целом, более склонны учитывать разнообразие мотивировки и запреты на проявления экстремистских действий.

Особый интерес представляет фактор F3 («пассивное сочувствие жертве – активное участие в буллинге»), фиксирующий противопоставление позиции москвичей и латышей, в отличие от русских подростков, проживающих в Риге. Как мы видим, москвичи и латыши сориентированы на активное участие в буллинге (F3–), русские же, проживающие в Риге, ориентированы на проявление сочувствия жертве (F3+). В этом, на наш взгляд, проявляется их особая позиция как представителей национального меньшинства.

Если фактор F3 фиксирует сходство между москвичами и латышами, то фактор F5, напротив, фиксирует явное различие их установок, относительно протестного поведения. Так, следуя проведенной нами выше интерпретации содержания данного фактора, можно отметить, что москвичи находятся на стадии открытого проявления протеста, в то время как латышские старшеклассники находятся в латентной фазе «носят протест в себе».

И наконец, обращает на себя внимание своеобразие позиции русских учащихся в Риге. Частично мы ее уже отметили, фиксируя высокие положительные значения по фактору F3+ («сочувствие жертве»). Однако, помимо этого, следует добавить и явно выраженную акцентуацию по фактору F6+ («виктимность, реакция на внешнюю соци-

альную угрозу»). Учет этих двух моментов позволяет сделать вывод о том, что весьма характерной тенденцией для русских подростков в Риге (как представителей национального меньшинства) является повышенная чувствительность к возможности стать жертвой насилия.

***

Подводя итоги проведенного исследования, следует выделить ряд важных моментов, отражающих специфику отношения подростков к экстремизму.

Во-первых, как среди московских, так и рижских школьников явно доминирует негативное отношение к проявлениям экстремизма. Прежде всего, оно выражается в личностном непринятии любых действий экстремистского характера и оценивании экстремистских действий как нелегитимных. Хотя опрошенные старшеклассники, в подавляющем большинстве не знакомы лично с экстремистскими организациями, тем не менее, они достаточно часто отмечают наличие друзей и знакомых, имеющих отношение к подобным группам, что само по себе иллюстрирует тревожную тенденцию распространения экстремистских взглядов в подростковой и молодежной среде.

Во-вторых, проведенное исследование показало, что микросоциальное окружение подростка и, тем более, его самоидентификация как члена экстремистских организаций, существенно влияет как на оценку различного рода экстремистских проявлений, так и возможных санкций со стороны властных структур. Это касается как идеологического уровня, так и конкретных проявлений вербальной и физической агрессии. Таким образом, подтвердилось одно из наших основных предположений, о том, что степень «социальной дистанции» определяет характер отношения к экстремизму: чем ближе школьники «знакомы» с экстремизмом, тем более выражена степень его принятия, в том числе и как легитимизированной формы разрешения бытовых конфликтов. В этой связи, обращает на себя внимание явное различие в микросоциальной ситуации взаимоотношений по поводу проявлений экстремизма среди москвичей и рижан: москвичи по сравнению с рижанами в два раза чаще указывают на, разного рода, социальные контакты с представителями экстремистских организаций.

В-третьих, исследование выявило существенные различия в отношении к экс-

тримизму в зависимости от принадлежности к национальному меньшинству или титульной нации. Особенно отчетливо это проявилось при сопоставлении ответов москвичей с ответами учащихся латышских и русскоязычных школ Риги. Так, «трансформация» национального статуса (русские в Риге как меньшинство) позволила выявить характерный феномен, когда экстремизм начинает восприниматься представителями меньшинства в качестве эффективного способа защиты собственной национальной идентичности, выражения своих принципов, взглядов и культурных ценностей. При этом, исследование отчетливо выявило своеобразную связь чувства виктимности и стремления к социальной интеграции как особой формой поведения меньшинства при оправдании агрессии.

В четвертых, результаты факторного анализа показали, что само отношение к экстремизму в подростковой среде не сводится к какой-либо одной содержательной доминанте. Это сложное многофакторное явление, включающее в себя различные модальности оценок и форм поведения. поэтому, проведение профилактики экстремизма в подростковой и молодежной среде требует системного подхода, который должен учитывать целый ряд условий, определяющих особенность отношения к экстремизму.

И, наконец, завершая статью, мы хотели бы обратить специальное внимание на необходимость проведения кросскультурных исследований при изучении проблематики экстремизма в подростковой и молодежной субкультуре. В этом отношении кросскультурные сопоставления не только фиксируют различия, но, и это самое главное, позволяют лучше понять свою собственную культурную ситуацию. Как отмечал М. М. Бахтин, — *культура познает себя на границе*. это мы и хотели показать, реализуя программу данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П.П. Избранные произведения. М.: Наука, 1964 г. – 548 с.

2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте: Психологическое исследование. М., 1968. — 464 с.
3. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001 г. — 352 с.
4. Ениколопов С.Н. Мкртычян А.А. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии. — №3 — 2008г. — С. 71 — 80.
5. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. — 2007 г. — №3 — С. 41 — 67.
6. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования. Т.VIII. Вып. XIII/Под ред. В.С. Собкина. — М.: Центр социологии образования РАО, 2003. — 391 с.
7. Собкин В.С. Психологический анализ уровней литературного развития старшекласников. Дис... канд. психол. наук. — М., 1982. — 169 с.
8. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: Центр социологии образования РАО, 1997. — 318 с.
9. Собкин В.С., Ениколопов С.Н., Кропачев В.Н. Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму // Толерантность в подростковой среде. Труды по социологии образования Т. IX, Выпуск XVI, под ред. Собкина В.С. — М., Центр социологии образования РАО, 2004г. — С.115 — 131.
10. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Изд-во «Академия», 2009 г. — 320с.
11. Эльконин Д.Б. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 144 с.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. — М.: Прогресс, 1996 г.
13. Bandura A. Moral Disengagement in perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. — 1999. — № 3 — P. 193–210.
14. Bandura A., Zimbardo P., Osofsky M. The Role of Moral Disengagement in the Execution Process // Law and Human Behavior. — 2005. — Vol. 29, № 4. — P. 371 — 393.
15. McCormick G.H. Terrorist Decision Making // Department of Defense Analysis, Naval Postgraduate School. — California, Monterey, 2003, — P. 473– 507.